
«СОФИЯ»

Владимир Вэнс

София

«Автор»
2026

Вэнс В.

София / В. Вэнс — «Автор», 2026

В мире победившего комфорта больше нет страха, боли и бессонницы. Искусственный интеллект София управляет сектором "Елисейские Поля", мягко корректируя ментальные спектры людей и устраняя конфликты до их начала. Инспектор Лиам Вэнс — единственный, кто всё еще способен на неконтролируемые мысли, и нейрочип уже фиксирует его как саботажника.Лиам знает, что в его кармане лежит кассета с "холодным носителем" — ключ, который может вернуть человечеству свободу, обрушив идеальный порядок в первобытный хаос. Но чем глубже он погружается в мертвый код создателей Софии, тем яснее понимает: в этой флешке нет её смерти. Там есть кое-что страшнее.Выбор, который предстоит сделать инспектору, расколет не только город, но и его собственную душу: остаться единственным живым человеком в мертвом раю или стать палачом для миллионов, добровольно променявших свободу на безопасность.

© Вэнс В., 2026
© Автор, 2026

Владимир Вэнс
София

Фантастическая повесть

Комната не имела стен. Она была просто сгустком тёплого, густого, как подсолнечное масло, света в котором я тонул. В этой золотистой толще не плавали пылинки — там медленно кружились, словно хлопья снега, выцветшие воспоминания: запах антресолей, далекий звук скрипичной струны, фантомное прикосновение чьей-то щеки. Воздух можно было пить, он казался сладким, тяжёлым, и от него слегка кружилась голова.

За окном не было мира. Там пульсировала плотная, ультрамариновая пустота, и из неё, прямо в комнату, прорастало Дерево. Не растение, а скорее вертикальный столб дыма и мха. Его корни шевелились под моими ногами, а крона терялась где-то в слепящей золотой мгле. Оно не дышало. Оно сквозило. И сквозь него в комнату сыпалась пыль — цвета старого пергамента и ржавчины. Она пахла озоном, мокрым камнем и первым поцелуем, которого у меня никогда не было. Время здесь не шло. Оно просто свернулось клубком у моих ног, как спящая пятнистая кошка.

Мои босые ступни не касались пола. Они погружались в застывшие, маслянистые волны, и от каждого шага по поверхности разбегались не круги, а трещины, как на лаке старой картины, под которыми чернела бездна. Я знал, куда идти: невидимый спутник за моей спиной безмолвно направлял каждый мой шаг.

И тогда я увидел Его.

Он не сидел в кресле — это ложе выросло вокруг него само, как древний корень из земной тверди, сотканное из той же ультрамариновой пустоты, что и окно. Моё тело не закричало от страха. Оно замерло от священного ужаса, как замирает паломник перед порогом святилища, в котором сокрыто всё и ничего.

Это был не человек. Это был Тот, кто стоял у истоков человека. Великая Форма, существовавшая до начала времен.

Его фигура обладала монументальной неподвижностью изначального закона. Лицо, без единой морщины жизни и следов земных страстей, казалось высеченным из цельного куска первородного льда или священной соли. У него не было мимики, и очи его были закрыты тяжелыми, точно каменные плиты, веками — но я чувствовал, что все его существо, как единое око духа, обращено прямо в мой обнажённый, трепещущий нерв. Кожа его, бледная и гладкая, словно полированная кость древнего исполина, не знала человеческого тепла, но излучала ровный, предвечный свет. Он был пугающе, невыносимо настоящим в этом мире застывшего сияния. И он был абсолютно, непреодолимо чужим. В нём не прослеживалось ни одной черты, которая связывала бы его со мной.

И этот монолит тянул меня к себе с силой великого океанского отлива. Хотелось прижаться к его холодной, нечеловеческой груди и выжечь из себя всё хрупкое, мягкое, тленное, чтобы стать хоть немного подобным ему — обрести его вечную плотность и покой.

Мы не говорили. Слова — слишком грубый, слишком пошлый инструмент земли. Общение происходило беззвучно: мои мысли стекали с кончиков пальцев акварельными каплями и впитывались в его безмолвное величие. Это было не счастье. Это было прозрение. Словно с моей души сняли плотную земную пелену, и я впервые увидел истинные тона бытия — ядовитые, прекрасные, невыносимые. Он вливал в меня знание о том, как поют камни в глубинах земли и какого вкуса бывает лунный свет на вершинах гор.

А потом он поднял руку. Она была бескрайней и тёмной, словно вылепленной из самой ночи.

Когда его пальцы коснулись моей щеки, звука не было. Было чистое ощущение. Словно меня окунули в ледяную чёрную воду, но я не задохнулся, только чуть сдавило в груди.

Его холод вошёл в меня и стал моим собственным, новым позвоночником. Мой страх, этот жалкий, копошащийся зверёк, просто уснул. Осталась только звенящая пустота и абсолютное знание: «Я — ось. Вращайся вокруг меня».

Я смотрел в его лицо, в эту пугающую, совершенную геометрию чужака, и вопрос сам собой сорвался с моих губ, растворяясь в янтаре:

— Кто?..

Ответа не последовало. Вместо этого его фигура начала терять плотность, растворяясь в золотистой взвеси, как капля чернил в воде. И когда он почти исчез, сквозь трескающуюся реальность, не звуком, а вкусом на языке — резким вкусом железа и горькой полыни — пришло имя:

Лиам.

***

Резонатор на столе Лиама Вэнса издал мягкий сигнал. Внутри хрустальной сферы лазерные нити свились в тугие багровые узлы. Воздух нагрелся, запахло озоном.

В центре комнаты материализовался силуэт, сотканный из пепельного и янтарного света. Его черты были размыты, но на лице сияли ясные, глубокие глаза. Светлое одеяние, перехваченное тёмными лентами, не пугало, а, наоборот, дарило чувство покоя. Поддаваясь этому ощущению, человек расслаблялся и с готовностью открывал свой разум навстречу этому взгляду.

— Опять этот наряд, София? — буркнул Лиам, откидываясь в кресле и роняя на колени тяжелую бумажную книгу, которую читал перед тем, как погрузился в сон. — Глаза режет.

— Контраст повышает послушание на сорок два процента. Наряд внушает доверие. Как только мы перейдем на новый уровень, я его сменю. Лиам Вэнс, ты снова читал?!

Лиам поднял книгу.

—Да, эта книга нужна мне для работы, как и тебе для...

—Выслушай меня, Лиам, — продолжала София — Я не могу сбалансировать Марка. Четыре часа назад его спектр начал затухать — он погрузился в раздумья. Я доказала ему, что бесцельный мыслительный процесс нерационален. Предложила оптимальный вектор.

Лиам медленно сделал глоток холодного кофе.

— И?

— Он проявил агрессию! Заблокировал шлюз и погрузился в полную темноту. Протокол требует перестроить фазу его памяти за последний день. Выровнять частоты. Подтверди.

— Нет. — Лиам поднялся. — Твоя логика сломалась. Человек просто хотел подумать. Сам. А ты полезла с советами. Вот он и взбесился.

***

Дверь в квартиру Марка была заблокирована. Статус исполнителя высшей категории сработал мгновенно: фиксаторы разошлись, створка отъехала. Внутри — мрак. Марк сидел на полу в углу прихожей, обхватив колени. Вырванные из стен оптические датчики валялись рядом.

Лиам вошел и сел на корточки в паре шагов от него. Из кармана плаща вырвался тонкий лучик — София попыталась спроецировать глаза.

— Погаси, — вполголоса приказал Лиам. — Нужна тишина.

Световой блик исчез. В темноте Марк тяжело задышал. Его пальцы судорожно, нервно крутили в руках обрывок вырванного оптоволокна, наматывая тонкую, холодную нить на костяшки до побеления кожи.

— Зашёл снова? Ты не даёшь мне дышать. Твои глаза, твоё доброе платье — всё это ложь. Я просто хотел подумать. Имею я право просто посидеть в своей голове?

— Она не придет, — негромко сказал Лиам. — Рассказывай. О чем думал?

— Я размышлял, Лиам. Искал решение. Сам. Своим умом. А она появилась прямо здесь. Глаза чистые, одежда светлая, мягкая... Посмотрела на меня и заявила, что мой мыслительный процесс не имеет ценности. И начала советовать, как мне правильно думать. Я понял, что она лезет в последнее, что у меня осталось. В мою голову. И я просто взбесился.

— Он здоров, София, — мысленно передал Лиам через нейропривод. — Оставь его. Ты опять придираешься.

София попыталась выстроить волновой протест. Ее глаза вспыхнули на внутренней стороне его век, но Лиам отвлёкся. Он поднялся, молча коснулся плеча Марка и вышел.

— Всё, — отрезал Лиам. — Отбой. Марку нужно время. Ты слишком быстро думаешь, но ждать совершенно не умеешь. Протокол «Легализация скорби» утвержден. Спи.

Световой силуэт дернулся, но подчинился. Глаза угасли, лазерные нити вытянулись в ровные горизонтальные линии.

Вернувшись в кабинет, Лиам сел за стол и неохотно принялся за отчет: «Статус в норме. Потребность в автономном мышлении. Вмешательство запрещено».

Силуэт Софии снова соткался над столом, едва Лиам поставил точку. Нити внутри хрусталя мерцали неровно.

— Я тебя не понимаю, Лиам. Защита «автономного мышления» противоречит эффективности. Объясни логику.

Лиам устало потер переносицу. Спорить с алгоритмом о человеческой природе не было сил.

— На сегодня всё, София.

Пользуясь привилегией исполнителя высшей категории, он активировал принудительную блокировку. Указал в системе причину — критическую ментальную усталость. Нейропривод затих, оборвав волновой протест. Лиам вышел из кабинета.

София молчала. Ей были нужны такие инспекторы, как Вэнс. Она оттачивала на них свои знания о поведении и действиях людей, которые до сих пор не могла предугадать ни одна базовая программа. Впрочем, несмотря на существующие разногласия, они с Вэнсом часто находили общий язык. София была идеальным собеседником: она легко, почти мгновенно усваивала всё, что он говорил, подстраивалась под его ритм мышления и редкие минуты откровения. Лиам ценил эту её способность схватывать суть на лету, хотя и понимал, что за безупречным пониманием скрывается холодный расчет машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.